

К. К. Арсенъев

Законодательство о печати

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
К11

К11 **К. К. Арсеньев**
Законодательство о печати / К. К. Арсеньев – М.: Книга по Требованию, 2022. –
263 с.

ISBN 978-5-518-04584-2

ISBN 978-5-518-04584-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Положеніе печати въ 1855—65 гг.

I.

Съ воцареніемъ императора Александра II-го начался новый періодъ русской исторіи. Раньше, чѣмъ въ другихъ сферахъ государственной и общественной жизни, поворотъ къ лучшему сталъ замѣтенъ въ области печати. И это совершенно понятно. Именно здѣсь, съ одной стороны, особенно тяжело чувствовался насильственно поддерживаемый застой, вызванный недоверіемъ ко всякому сколько нибудь свободному движенію. Съ другой стороны, именно здѣсь перемѣна была, до извѣстной степени, возможна безъ законодательныхъ мѣръ, всегда требующихъ немало времени. Не только въ эпоху усиленной реакціи, вызванной событіями 1848-го года, но и раньше основаніе новыхъ періодическихъ изданій встрѣчало препятствія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ непреодолимая; теперь административная практика смягчилась, и уже въ 1855-мъ году были дозволены два журнала, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи нашей общественной мысли („Русскій Вѣстникъ“ и „Русская Бесѣда“). Въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Николая I-го (1845—54) разрѣшенъ былъ выходъ въ свѣтъ (не считая изданій правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ) *шести* газетъ и *девятнадцати* журналовъ (большею частью спеціальныхъ: дѣтскихъ, модныхъ, медицинскихъ и т. п.), въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра II-го (1855—64)—*шестидесяти шести* газетъ и *ста пятидесяти шести* журналовъ, между которыми спеціальныхъ было, относительно, гораздо меньше, чѣмъ въ преды-

дущее десятилѣтіе. Право касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики принадлежало до 1855 г. только *четыремъ* газетамъ; теперь, съ легкой руки Каткова, оно было постепенно распространено на всѣ періодическія изданія. Лѣтомъ 1855-го года была отмѣнена, по ходатайству „Современника“, монополія „Русскаго Инвалида“ на печатаніе корреспонденцій съ театра войны и вообще всего относящагося къ военному быту (даже беллетристическихъ произведеній съ военною обстановкою). Еще важнѣе, чѣмъ увеличеніе числа періодическихъ изданій, расширеніе ихъ программъ, былъ сравнительно большій просторъ, данный сужденіямъ печати. Обусловленная усмотрѣніемъ цензоровъ, различно понимавшихъ свои обязанности, и мѣняющимися настроеніями высшихъ властей (спеціально цензурныхъ и общихъ), доля свободы, которою фактически пользовалась печать, подвергалась, однако, большимъ колебаніямъ. Періоды, благопріятные для печати, смѣнялись періодами обостренной строгости, да и въ продолженіе одного и того же періода далеко не одинаково было положеніе отдѣльныхъ журналовъ. Сегодня, въ одномъ мѣстѣ, беспрепятственно проходило то, что завтра въ другомъ запрещалось или ставилось въ вину излишне снисходительному цензору. Къ этому времени относится явленіе, небывалое ни прежде, ни позже: широкая популярностъ нѣкоторыхъ цензоровъ (въ особенности Бекетова и Крузе), скоро сходявшихъ съ официальной сцены, но оставлявшихъ по себѣ добрую память, до сихъ поръ соединенную съ ихъ именами. Границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ становились все менѣе и менѣе опредѣленными по мѣрѣ того, какъ усложнялись задачи внутренняго управленія и ставились на очередь преобразованія первостепенной важности. Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какое участіе въ ихъ обсужденіи можно и должно предоставить обществу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о призваніи и значеніи печатнаго слова. Предстояло выбрать ту или другую политику по отношенію къ печати и установить порядокъ, соотвѣтствующій сдѣланному выбору. Другими словами,

предстоялъ пересмотръ законодательства о печати. Необходимость его была признана очень рано: уже въ 1857 г. повелѣно было приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Дѣло, повидимому не особенно сложное, затянулось, однако, на много лѣтъ, и всѣ главные законодательные акты эпохи великихъ реформъ—положенія о крестьянахъ, университетскій уставъ, судебные уставы, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ—опередили законъ 6-го апрѣля 1865 года, неполный и состоявшійся лишь въ видѣ переходной мѣры. Посмотримъ, въ чемъ заключались главныя причины такой медленности.

Какъ и всѣ критическія минуты народной жизни, конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ годовъ ознаменованы борьбою противоположныхъ теченій. Въ данномъ случаѣ эта борьба, сообразно съ условіями времени и мѣста, происходила безъ шума, безъ огласки, на сценѣ мало доступной для посторонняго глаза; тѣмъ не менѣе она была до крайности упорной, велась съ перемѣннымъ успѣхомъ и не на всѣхъ пунктахъ привела къ рѣшительнымъ результатамъ. Представители системы, пошатнувшейся, но не павшей всецѣло и безвозвратно, задерживали и ослабляли, на сколько и гдѣ могли, разрывъ съ прошедшимъ; сторонники движенія, во многомъ несогласные между собою, нерѣдко шли на компромиссы, не надѣясь, а иногда и не желая достигнуть большаго. Во главѣ враговъ свободы слова стояли тѣ же лица, которыя противились освобожденію крестьянъ и коренной передѣлкѣ судебного строя: гр. В. Н. Панинъ (до 1862 года министръ юстиціи), кн. А. Ѳ. Орловъ (до 1861 года предсѣдатель Государственнаго Совѣта), кн. В. А. Долгоруковъ (до 1866 года шефъ жандармовъ); къ нимъ примыкали до 1858-го года министръ финансовъ Брокъ и главноуправляющій путями сообщенія Чевкинъ. Среднюю позицію занимали гр. Д. Н. Блудовъ (главноуправляющій 2-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи) и министры народнаго просвѣщенія Норовъ (до 1858 года) и Ковалевскій (1858—61). Меньше всего боялись гласности министръ финансовъ Княжевичъ (1858—61) и

министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ, но, по самому своему положенію, они не могли имѣть рѣшающаго голоса въ дѣлахъ печати. Такихъ послѣдовательныхъ и сильныхъ защитниковъ, какими были великій князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцовъ, Н. А. Милютинъ, даже С. С. Ланской для крестьянской реформы, В. П. Бутковъ, Н. И. Стояновскій, С. И. Зарудный, даже Д. Н. Замятинъ—для реформы судебной, А. В. Головинъ—для реформы университетской, свобода печати въ официальномъ мірѣ не имѣла. Не находила она систематической и постоянной поддержки и со стороны верховнаго рѣшителя судебъ Россіи, относившагося къ ней не съ тѣмъ твердымъ убѣжденіемъ, какое, послѣ первыхъ колебаній, сложилось въ его умѣ по крестьянскому дѣлу. Въ известной книгѣ г. Барсукова о Погодинѣ приведенъ чрезвычайно характерный разговоръ между Чевкинымъ и кн. Горчаковымъ, происшедшій въ декабрѣ 1858 года въ присутствіи императора. „Жизнь наша—бурное море“, сказалъ Чевкинъ: „чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта“. „Помилуйте“, возразилъ кн. Горчаковъ, „изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ, чтобы корабль легко шелъ по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу—цензура, и его надо выбросить.— „Недостаточно выбросить балластъ, надо умѣть войти въ пристань“.— „Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка“.— „Этого мало; надобно при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни“.— „Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности“. При этихъ словахъ кн. Горчакова Государь всталъ и дружески пожалъ ему руку. Ясно, слѣдовательно, на чьей сторонѣ было его сочувствіе; но симпатія къ общему началу еще не предрѣшаетъ способа и мѣры его осуществленія; Никитенко рассказываетъ въ своемъ дневникѣ (подъ 29 января 1859 г.), что вновь назначенный попечителемъ московскаго учебнаго округа Н. В. Исаковъ, представ-

ляясь Государю, высказалъ мнѣніе, что гласность необходима. „И я такъ думаю“, сказалъ Государь, „только у насъ дурное направленіе“. Еще яснѣе мысль Государя выразилась въ разговорѣ съ самимъ Никитенко (11 марта 1859 г.). „Есть стремленія“, сказалъ онъ, „которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ.“ И такъ, съ желаніемъ не стѣснять печатное слово соединялось намѣреніе поставить его въ опредѣленныя, не слишкомъ широкія рамки. Одновременное преслѣдованіе двухъ существенно различныхъ цѣлей не могло облегчить исполненіе задачи. Много значила и непрерывная смѣна впечатлѣній, шедшихъ изъ міра печати. Никогда еще въ русской литературѣ такимъ ключемъ не кипѣла жизнь, тѣмъ болѣе поражавшая наблюдателей, чѣмъ полнѣе былъ предшествовавшій мертвенный застой. Послѣ глубокаго молчанія каждое громко сказанное слово казалось чуть не крикомъ; послѣ боязливой приниженности и отсутствія „собственныхъ сужденій“, — отсутствія, конечно, только видимаго, — каждая независимая мысль казалась вторженіемъ въ компетенцію власти, посягательствомъ на права, принадлежащія ей одной. Прибавимъ къ этому перетолкованія, добросовѣстныя и недобросовѣстныя, обобщенія, преувеличивающія значеніе отдѣльныхъ фактовъ, чтеніе между строками, заподозрѣвающее намѣренія и чувства — и мы поймемъ, сколько элементовъ неустойчивости и смуты было вносимо чуть не ежедневно въ ту сферу, гдѣ выработывались, медленно и трудно, предположенія о будущемъ печати. Сама печать росла количественно, развивалась качественно, пріобрѣтала все болѣе широкое и глубокое вліяніе; въ началѣ новаго десятилѣтія она во всѣхъ отношеніяхъ очень мало походила на то, чѣмъ была въ половинѣ предыдущаго. Больше было основаній для признанія за нею положительныхъ заслугъ — но больше и предлоговъ для провозглашенія ея злою, разрушительною силой.

Проектъ новаго цензурнаго устава, къ разработкѣ ко-

тораго было приступлено еще при Норовѣ, былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ, въ 1859 г., Е. П. Ковалевскимъ, но вскорѣ взять обратно, какъ потому, что онъ чоемъ мало предлагалъ новаго, такъ и потому, что въ это самое время возникла мысль о другомъ пути воздѣйствія на печать. Еще въ концѣ 1858-го года было рѣшено образовать особое высшее учрежденіе, которое должно было „служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ и направлять, по возможности, новыя періодическія изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ“. Предполагалось, что это учрежденіе не будетъ имѣть ничего общаго съ такъ называемымъ комитетомъ 2-го апрѣля (1848 года), который, являясь какъ бы цензурой надъ цензурой, предназначенъ былъ довершить обузданіе, упрочить поработаніе печати. Новый комитетъ долженъ былъ дѣйствовать „не силою официальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія“. Въ его составъ рядомъ съ мало расположенными къ печати А. Е. Тимашевымъ (начальникомъ штаба корпуса жандармовъ) и Н. А. Мухановымъ (товарищемъ министра народнаго просвѣщенія), были введены нейтральный гр. А. В. Адлербергъ (будущій министръ Императорскаго двора, близкій другъ Государя) и благожелательный А. В. Никитенко, мечтавшій о постепенномъ расширеніи благоразумно-умѣренной свободы слова. Дѣятельность комитета продолжалась мѣнѣе года и прекратилась по собственной его инициативѣ. Оказалось, что сила вещей наталкиваетъ его на „мѣры официальной строгости“ и мѣшаетъ ему приобрести „нравственное вліяніе“ на печать. Его положеніе было фальшивымъ уже вслѣдствіе тайны, его окружавшей (онъ такъ и назывался „негласнымъ комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія“). Недовѣрчиво встрѣченный печатью, не безъ причины видѣвшею въ немъ новый источникъ гнета и сумѣвшею выразить, хотя и не прямо, свои опасенія, онъ не могъ рассчитывать

на поддержку общественнаго мнѣнія. Въ ноябрѣ 1859-го года постановлено было слить его съ главнымъ управленіемъ цензуры, отдѣливъ послѣднее отъ министерства народнаго просвѣщенія и преобразовавъ его въ особое самостоятельное учрежденіе. Было намѣчено уже и лицо, которое должно было стать во главѣ новаго учрежденія — баронъ М. А. Корфъ (бывшій, послѣ Бутурлина, предсѣдателемъ комитета 2-го апрѣля); но вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, назначеніе это не состоялось, и главное управленіе цензуры, нѣсколько измѣненное въ своемъ составѣ, осталось въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Къ тому же времени относится нѣсколько большее сосредоточеніе цензурныхъ функцій, въ отправленіи которыхъ участвовали до тѣхъ поръ, каждое по своей части, всѣ вѣдомства, чѣмъ еще больше затруднялось положеніе печати.

Когда не удалась попытка дисциплинировать печать путемъ присоединенія къ издавна существовавшему *надзору* вновь организованнаго *руководства*, на сцену опять выступилъ общій пересмотръ всѣхъ постановленій, касающихся печати. Предварительная цензура, тяжелымъ гнетомъ ложаась на печать, не удовлетворяла, съ другой стороны, и требованіямъ правительства. Инструкціи, часто мѣнявшіяся, не вносили въ ея дѣятельность ни однообразія, ни постоянства, ни системы. Нерѣдко пускались въ ходъ мѣры взысканія противъ цензоровъ и даже противъ цѣлыхъ цензурныхъ комитетовъ. Бывали и случаи запрещенія періодическихъ изданій за статьи, дозволенные цензурой. Особенно часто такая участь постигала славянофильскія газеты: въ 1858 г. было прекращено изданіе „Молвы“, въ 1859 г.—изданіе „Паруса“ (во главѣ обѣихъ газетъ стоялъ, *de facto*, И. С. Аксаковъ). Естественно, поэтому, было остановиться на мысли, что именно въ карательныхъ мѣрахъ слѣдуетъ искать выхода изъ положенія все больше и больше усложнявшагося, все больше и больше озабочивавшаго правительство. Эта мысль была официально выражена, въ ноябрѣ 1861-го года, министромъ народ-

наго просвѣщенія гр. Путятинимъ, по докладу котораго была учреждена смѣшанная коммиссія изъ чиновъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Въ средѣ коммисіи, однако, за сохраненіе предварительной цензуры высказались именно представители министерства народнаго просвѣщенія, а за переходъ къ новому порядку—представители министерства внутреннихъ дѣлъ. На сторону послѣднихъ сталъ новый министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головинъ. Учреждена была, подѣ председательствомъ кн. Оболенскаго, другая смѣшанная коммиссія; но еще раньше окончанія ея трудовъ появившіеся тогда первые признаки внутренней смуты вызвали принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, изъ которыхъ иныя, вопреки первоначальному ихъ характеру и назначенію, остаются въ силѣ до настоящаго времени. На министерство внутреннихъ дѣлъ было возложено наблюденіе, чтобы въ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ; другими словами, ему ввѣренъ былъ надзоръ надъ дѣятельностью, въ этой сферѣ, министерства народнаго просвѣщенія. Разсужденія о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій и о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи разрѣшено было печатать только въ книгахъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, стоящихъ не менѣе семи рублей въ годъ. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было предоставлено, въ случаѣ вреднаго направленія періодическаго изданія, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатаніе вышеупомянутыхъ разсужденій, и прекращать изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ ¹⁾. Съ предварительной цензурой была, такимъ образомъ, механически соединена цензура карательная. Практика очень скоро доказала невозмож-

¹⁾ На основаніи этихъ временныхъ правилъ, утвержденныхъ 12 мая 1862 года, уже 19 іюня того же года былъ приостановленъ на восемь мѣсяцевъ выходъ въ свѣтъ „Современника“ и „Русскаго Слова“.

ность раздѣленія цензурныхъ функцій между двумя вѣдомствами: уже 12 января 1863-го года онѣ были переданы всецѣло министерству внутреннихъ дѣлъ. На его разсмотрѣніе поступилъ и законопроектъ, выработанный комиссіей кн. Оболенскаго. Новая комиссія, учрежденная подѣ предсѣдательствомъ того же лица уже при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составила обширный проектъ устава о книгопечатаніи, разосланный, лѣтомъ 1863-мъ года, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ и затѣмъ внесенный на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Мысль объ уничтоженіи или возможно большемъ ограниченіи предварительной цензуры уже въ то время не была у насъ чѣмъ-то новымъ. Убѣжденіе въ безсиліи цензуры было выражено еще въ 1856-мъ году кн. Вяземскимъ, занимавшимъ тогда постъ товарища министра народнаго просвѣщенія и члена главнаго управленія цензуры. Ссылаясь на свою сорокалѣтнюю писательскую опытность, онъ заявилъ, что „всѣ многочисленныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманная притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ, эти притѣсненія могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая, и безъ журнальныхъ статей и мимо стоокой цензуры, получить въ обществѣ значеніе, вѣсь и вліяніе“. Логическаго заключенія изъ этихъ словъ кн. Вяземскій не выводилъ, но оно напрашивалось само собою и скоро стало находить формулировку даже въ подцензурной прессѣ. Въ первомъ № „Паруса“ (январь 1859 г.) И. С. Аксаковъ восклицаетъ: „Когда же, Боже мой, можно будетъ согласно съ требованіемъ совѣсти не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе просто и прямо во

всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ! Развѣ не выгоды для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ? Дальше редакція „Паруса“ выражаетъ намѣреніе „съ полною откровенностью и постоянно подавать свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ общественныхъ вопросовъ“, и спрашиваетъ: „неужели намъ это не будетъ дозволено?“—какъ бы заранѣе протестуя противъ обычнаго подчиненія цензурѣ. Погодинъ, статья котораго въ „Парусѣ“ также послужила однимъ изъ поводовъ къ запрещенію этой газеты, требуетъ въ письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія суда, выражая готовность претерпѣть наказаніе, лишь бы оно было наложено на него въ силу закона. Еще раньше (въ концѣ 1858 г.) „Русскій Вѣстникъ“, рискуя навлечь на себя строгое взысканіе (которое ему дѣйствительно и угрожало), краснорѣчиво проводитъ мысль, что „легчайшій способъ погубить какое-нибудь начало въ убѣжденіяхъ людей, лучший способъ подорвать его нравственную силу—взять его подъ официальную опеку“. Въ запискѣ, поданной нѣсколькими московскими редакторами, въ 1859 г., негласному комитету по дѣламъ книгопечатанія, встрѣчаются слѣдующія знаменательныя слова: „нѣтъ ни малѣйшаго препятствія, а напротивъ, есть всѣ выгоды возложить полную отвѣтственность на редакторовъ журналовъ, давъ имъ право печатать, по ихъ усмотрѣнію, или съ разрѣшенія цензуры, или подъ собственной отвѣтственностью. Нѣтъ ничего и справедливѣе, и естественнѣе, какъ отвѣчать за себя и за свое дѣло, и нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ отвѣтственность за чужое дѣло. И въ настоящее время, при существованіи предварительной цензуры, правительство подвергаетъ отвѣтственности не однихъ цензоровъ, какъ бы слѣдовало по строгой справедливости, но также и издателей журналовъ“. Со всѣхъ сторонъ подобные взгляды слышатся въ 1862 году, послѣ того какъ министръ народнаго просвѣщенія (А. В. Головнинъ) обратился къ печати съ приглашеніемъ высказаться по вопросу о желательныхъ для нея